

И. В. Русских

Национальная металлургическая академия Украины

**РОМАН «ЛАНСЕЛОТ ГРИВЗ» Т. ДЖ. СМОЛЛЕТА:
ПОЭТИКА КНИЖНОСТИ И ПРАВООПИСАНИЯ**

Розглянуто роман «Життя і пригоди сера Ланселота Гривза» Т. Дж. Смоллета в контексті багатогранної діяльності художника. Роман у журналі, сприйняття якого в зіставленні з колишніми текстами Смоллета не завжди виправдано, не тільки позбавлений жорсткості сатири, установки на життєподібність, але й розрахований на іншого читача. Створюючи іронічний епілог традиції кіхотизму, комічну рефлексію над шефтсберіанством, Смоллет запропонує літературну гру для інтелектуального дозвілля, екстравагантний епізод-анекдот про героя, який спробував у світі реальності слідувати законам лицарства.

Ключові слова: бурлеск, умовність, книжність, гра літературними формами, театральність.

Рассмотрен роман «Жизнь и приключения Ланселота Гривза» Т. Дж. Смоллета в контексте многогранной деятельности художника. Роман в журнале, восприятие которого в сопоставлении с прежними текстами Смоллета не всегда оправдано, не только лишен жёсткости сатиры, установки на жизнеподобие, но и рассчитан на другого читателя. Создавая иронический эпилог кихотической традиции, комическую рефлексию над шэфтсберрианством, Смоллет предложит литературную игру для интеллектуального досуга, экстравагантный эпизод-анекдот о герое, попытавшемся в мире реальности следовать законам рыцарства.

Ключевые слова: бурлеск, условность, книжность, игра литературными формами, театральность.

The article is devoted to T. G. Smollett's novel "The Life and Adventures of Sir Launcelot Greaves" viewed as an episode in the writer's multi-facet activity of a historian, a compiler, an editor, a translator. The novel published serially in the magazine cannot be compared with Smollett's previous texts. It lacks inflexibility of satire, true-to-life focus and is addressed to the other type of the reader. Having created ironical epilogue of quixotic tradition, comic reflection on Shaftsbury's ethical speculations Smollett offers a literary game for intellectual leisure, eccentric episode-anecdote about the hero who makes an effort to follow the laws of knighthood in the world of reality.

Keywords: burlesque, convention, bookishness, playing with literary forms, theatricality.

Предложив в 1753 г. читательской аудитории «Приключения Фердинанда Фатома» ("The Adventures of Ferdinand Count Fathom"), Тобайас Смоллет не скоро вернется к созданию произведений большой эпической формы. Последующее десятилетие он заполнит журналистской деятельностью, завоеует репутацию серьезного знатока литературы, станет редактором влиятельного «Критического обозрения» (1756–1762), которым так восхищался Сэмюэл Джонсон, почитавший Смоллета как проникательного критика 1756–1763 гг., предпочитая его издание близкому по жанру и не менее популярному у лондонцев "Monthly Review" Ральфа Гриффитса¹. В эти годы Смоллет также заявит о себе как авторитетный ученый, опубликовав «Полную историю Англии, от Цезаря до наших дней» ("A Complete History of England", 1757–1758). Его труд окажется ярким и значительным и не уступит в содержательности и объеме фактографии знаменитой «Истории Британии» (1754–1761) Дэвида Юма [5, р. 108]. Помимо «напряженных исторических штудий»², текущей редакторской работы, Смоллет увлечется художественным переводом, «переложит» на английский язык «Дон Кихота» (1755), затем Вольтера, порадует успеху фарса «Ответный удар, или Морские волки старой Англии» (1757), сыгранного в «Друри-Лейн» самим Дэвидом Гарриком [8, р. 10; 1, с. 138]. Вовлеченный в разнообразные «литературные занятия», Смоллет, обладавший энциклопедической образованностью Вольтера и Джонсона, на время остынет к романистике [5, р. 88]. Спустя девять лет он вернется к писательству и о нем услышат как об авторе романа «Жизнь и приключения сэра Ланселота Гривза» ("The Life and Adventures of Sir Launcelot Greaves"), изданного сериально³ в «Британском журнале» ("The British Magazine, or Monthly Repository for Gentlemen and Ladies", 1760–1762), выпускаемом в Лондоне Смоллетом с его друзьями: Оливером Голдсмитом, Сэмюэлом Дерриком, Гриффитом Джоунсом.

Появлению «Ланселота Гривза» предшествовали драматические обстоятельства в жизни Смоллета. В ноябре 1760 г. его признали виновным из-за критичес-

¹ Ральф Гриффитс и Оливер Голдсмит стояли у истоков рождения знаменитого «Ежемесячного обозрения» (1749), просуществовавшего до середины XIX в., в разное время в редакцию входили Чарльз Берни, Джон Клиланд, Теофилиус Сиббер, Джеймс Грейнджер, Анна-Летиция Барбо, Тобайас Смоллет.

² В 1759 г. увидит свет объемное сочинение Смоллета «Универсальная история», а несколькими годами ранее он отредактирует «Путешествия по Германии, Италии, Греции и Азии», подготовленные Александром Драммондом (1754), перескажет истории морских путешествий, осуществленных великими европейцами: Колумбом, Васко да Гамой, Магелланом, Дрейком и др.

³ «Ланселота Гривза», вышедшего в формате книги в марте 1762 г., проиллюстрирует Энтони Уолкер [22, р. 18].

ких випадов в печаті в адрес адмірала Чарльза Ноулза, провалившого во время Семилетней войны Рошфордську експедицію 1757 г., приговорили к тримісячному тюремному заключению и штрафу в 100 фунтов стерлингов⁴. Находясь в неволе и отбывая наказание в лондонской тюрьме Кингз Бенч, куда затем попадет и его герой Ланселот Гривз (глава XX), Смоллет, который «едва ли умел наслаждаться отдыхом», продолжит работу над романом, начатым еще в Шотландии летом 1760 г. [15, p. 228, 235].

«Ланселот Гривз» привлечет внимание публики, получит доброжелательные отклики читателей и критиков, но все же похвалу писателю по поводу книги, «отмеченной блеском ума и теплотой сердца» (Д. Герберт, 1878), заглушат голоса тех, кто не узнает в создателе «Ланселота Гривза» автора самобытных текстов о судьбах молодых искателей приключений, Родрика Рэндома и Перегрин Пикля. Публика не поймет охлаждение романиста к жанру пикарески и обращение к форме комического романа, перелицовывавшего каноны высокого готансе, одновременно сожалея и дегероизируя их в мире, одержимом идеей богатства, накопления, возможности существовать, унижая беззащитных и слабых.

К сожалению, смоллетовский замысел «Ланселота Гривза», весьма тонкий и причудливый, окажется до конца не понят⁵. Известно, что по характеру Смоллет – чуткий, пылкий, дерзкий, обладающий «искренней, филантропической заботой о благополучии других» (Б. Гэсмен, 2014). Занимая такую гражданскую позицию, он не изменит себе, напишет роман о человеке, чье желание совершенствовать общество обернется поражением. Смоллет создаст театрализованное прощание с эпохой рыцарства, героики прошлого, которая не востребована днем сегодняшним. Размышления о кихотическом геро⁶, облаченном в костюм эксцентричного персонажа-чудака, странствующего по современной писателю Англии, попадающего в неожиданные низовые авантюры, он дополнит мотивами средневекового готансе о Ланселоте Озерном⁷. Легендарный Ланселот у Смоллета, совершающий свои «безумства» из-за дамы сердца, путешествующий не в одиночку, а вместе с пажом, сохранит черты чувствительности, меланхоличности, сознательно подчеркнутые его родовым именем Гривз⁸. Иначе назовет Смоллет один из своих самых небольших романов, где поэтика книжности, узнаваемых аллюзий

⁴ По итогам судебного процесса от Смоллета также потребуют «помнить о лояльности своего поведения по отношению к государству в течение последующих семи лет» [15, p. 233].

⁵ «Ланселот Гривз» станет если не «зачинателем моды на Дон Кихотов в Англии», то частью английской кихотической литературы», представленной произведениями Сэмюэла Батлера «Гудибрас» (1663–1678), Генри Филдинга «Дон Кихот в Англии» (1734), Шарлотты Леннокс «Дон Кихот в юбке» (1752), Ричарда Грейвса «Духовный Дон Кихот, или Летние странствования мистера Джеффри Уайльдгуза» [6, p. 24; 22, p. 19]. Дополнение «Гривза» с кихотической линией английского романа порою окажется губительным для книги [17, p. 179]. Ее воспримут как экспромт, изысканную художественную зарисовку, которая «лучше, чем заурядные романы, но недостойна пера доктора Смоллета» (П. Вагнер, 1988). Понадобится два столетия, прежде чем появятся тонкие, пронизательные суждения о ней Л. М. Нэппа, П.-Г. Бусе, Р. Д. Мэйо.

⁶ Персонажей-кихотов, истории которых «отражают социальную позицию самого писателя» [15, p. 244], Смоллет выведет на страницах многих своих романов: коммодор Траньон из «Перегрина Пикля», лейтенант Лисмахаго из «Хамфри Клинкера». К путешествующим по миру Родрику Рэндому и Перегрину Пиклю он приставит верных оруженосцев Стрэпа и Пайпса.

⁷ По мнению исследователей, Смоллет соединит в романе несколько моделей – сервантесовскую книгу и бретонские повести о доблестном рыцаре Круглого стола Ланселоте Озерном, английский рыцарский роман и рыцарскую поэму, интерпретируя рыцарство как «символический способ отправления правосудия больше в духе моральной аллегории Спенсера» (в пятой книге «Королевы фей») [16, p. 102–103].

⁸ Семантика имени Ланселот (от лат. 'lancea' копьё, пика; прагерм. 'land' земля), где также присутствует тонкая игра морфемами (Lancelot: lance – пика, lot – жребий, судьба), соответствует «романтическому облику» протагониста (А. Елистратова, 1945) и противопоставит реалистическому антониму «Гривз» с «комически-пародическим» ('greave' – часть рыцарских доспехов, предназначенная для защиты голени) и «символическим» значениями, последнее связано с сентименталистской традицией.

и цитат⁹, игровое начало (adventures) смешивается с нарочито театрализованной формой нравоописания (life), которое не столько будет связано с историей жизни экстравагантного героя, сколько с теми персонажами здравого смысла, кто станет рассказывать о нем читателю.

Возвратившись к проблеме существования идеалиста в прозаическом мире (образ Ренальдо из «Фердинанда Фатома», близкий Гривзу), Смоллет «преобразит иронический панегирик о Фатоме-солдате в прямое изображение рыцарства» (Т. Престон, 1975), обратится к иронической элегии, где попрошачется с высоким героем¹⁰ [16, р. 102; 22, р. 19]. Здесь он не только откликнется в смеховой форме на этику чувствительности, исполненный высокого пафоса роман нравственного чувства (“novel of moral sentiment”), но и прибегнет к автобиографической форме самоиронии-исповеди, предложит читателю характер наивного идеалиста, смешного, незащищенного, жаждущего справедливости в мире, где моральные ценности воспринимаются в лучшем случае как легкомысленная причуда.

Ланселотом Гривзом движет рыцарская миссия – возрождение чистоты человеческих отношений, противостояние злу и пороку (“... to honour and assert the efforts of virtue; to combat vice in all her forms, redress injuries, chastise oppression, protect the helpless and forlorn, relieve the indigent...”) [20, р. 49–50]. Но такая его установка, скорее, воспринимается как наивность, детскость, слепота и социальное нездоровье. Антиподом Ланселоту оказывается персонаж Сикамор (Sycamore), неистребимый в своем зле. Поэтому готовность Гривза к подвигу и деянью, на которые способны и герои ранних произведений Смоллета, носит иной характер. Родрик Рэндом и Перегрин Пикль совершают отчаянные поступки, чтобы достичь успеха, Ланселот не преследует эгоистичных целей, забыв о самосохранении. Не случайно Смоллет введет в роман персонажей, которые станут защитниками протагониста, выступят единомышленниками в его вере в добро, не смогут остаться равнодушными в стихии театральной героики, «битвах, скорее напоминающих пародийно-героические комические сцены» [21, р. 111]. Им как людям, обладающим профессиями житейски укоренёнными, – деревенскому хирургу и акушеру Филлету (Fillet), моряку-воину, капитану Кроу (Captain Crowe), его племяннику, юристу Тому Кларку (Tome Clarke), мизантропу Феррету (Ferret) – будет отведена роль земных хранителей идеального героя.

Смоллет наделит Ланселота Гривза не только «молодостью, силой, красотой, смелостью, достоинством ума» (Дж. Битти), но и аристократическим происхождением (главы III–V), даст более подробное описание внешности, что «необычно для его романов, где физическая составляющая героя чаще всего размыта» [22, р. 20; 7, р. 176]. Ланселот высок, крепок как Гектор, лицо его «вытянутое и овальное», глаза серые, «нос орлиный, рот украшен белыми как снег зубами», «каштановые волосы рассыпаны небольшими кудрями» [20, р. 52, 49]. В отличие от объемных во времени жизнеописаний Родрика Рэндома и Перегрин Пикля, Смоллет представит эпизод, не превышающий и года, яркие события в судьбе сложившегося героя, молодого йоркширского баронета тридцати лет. При этом детство его будет не описано, а пересказано. «Единственный сын сэра Эверхарда Гривза, обладателя имения с ежегодным доходом в 5000 фунтов», пользующий-

⁹ От «Сатир» Горация, «Метаморфоз» Овидия, шекспировских «Ромео и Джульетты», «Гамлета», «Макбета», бретонских рыцарских романов, поэмы Ариосто «Неистовый Роланд», «Дон Кихота» Сервантеса, поэмы С. Батлера «Гудибрас», сатиры Поупа «Дунсиады», до поэтов-сатириков, современников романиста, а также опубликованного в 1736 г. сочинения, повествующего о двух сыновьях греческого императора, «Жизнь и приключения Валентина и Орсона» (‘The Life and Adventures of Valentine and Orson’) [20, р. 199, 264].

¹⁰ Уже начиная с «Фердинанда Фатома» Смоллет выстраивает сюжет своих романов, скорее, условно, подчиняя его заданной конструкции – соотношению добра и зла. Если в «Фердинанде Фатоме» автора занимает тема зла и его власть над человеком, то в «Ланселоте Гривзе» он исследует пределы добра в мире, где оно обречено на гибель.

ся уважением жителей, в 17 лет он закончит университет, потеряет мать [20, р. 56]. «Робкий и молчаливый», не решающийся заговорить с кем-либо, он растет весьма «замкнутым» и «застенчивым» юношей, «до излишества проникшимся шептсберианскими принципами», помогает нуждающимся так самоотверженно, что порою его любовь к ближнему походит на безумие, вызывая недовольство отца, который придает особое значение социальному статусу, отнюдь не одобряя то, что его сын так «безрассудно тратит время на недостойное его общество» и «приземленные удовольствия» ('...wholly attached to these lowly pleasures') [20, р. 56–58, 61; 11, р. 117]. По решению родителя Ланселот продолжит образование в Темпле в Лондоне, где за 18 месяцев обучится искусству сорить деньгами настолько быстро, что истощит не только его кошелек, но и терпение, обретет светские манеры, демонстрируя «такую элегантность и вежливость, как если бы вырос при дворе Версаля», вернется в Гривзбери-холл как защитник интересов семьи, выступит вместо отца перед избирателями, подобно «прославленному Гаррику в «Короле Лире» или в «Короле Ричарде», порадовав Гривза-старшего своими победами [20, р. 61, 63–64]. «Очаровательной внешности» и «благородного вида», высокообразованный и начитанный (предпочитающий книги на греческом, латинском и других иностранных языках), разбирающийся в поэзии, обладающий «чувствительным сердцем», герой Смоллета, чьи суждения изобилуют интеллектуальной лексикой, а манеры отличаются безукоризненностью, заявляет о себе как о «джентльмене не только по статусу, но и по поступкам» [20, р. 49, 56, 231, 60, 87; 16, р. 101; 7, р. 180]. Он воплотит в жизнь идею “benevolence” (будет раздавать земли бедным жителям, ремонтировать их дома), проявит участие к бедам других (окажет помощь священнику Дженкинсу и его детям; освободит кормилицу, вдову Оукли, из тюрьмы, устроив судьбу ее сына, пожертвует деньги для томящихся в тюрьме заключенных), дважды спасет возлюбленную Аурелию – от падения в пропасть (вместе с матерью) на несущихся лошадях и от грабителей на дороге [20, р. 129, 139, 141, 216–217, 68, 104].

Как и в первых романах Смоллета, здесь также возникнет тема семейной вражды, скандалов. Так, новая ссора Ланселота с дядей Аурелии, ее опекуном, который после смерти матери увозит племянницу, а после дуэли, так и не сумев полностью восстановиться от полученных ран, еще больше ненавидит Гривза, «помешает» отношениям влюбленных [20, р. 72–73]. Ланселот, вынужденный «воздержаться от поиска молодой леди», как и его предшественник Ренальдо, подверженный душевным страданиям от любви, приступам возбуждения, по настоянию отца, опасаящегося как бы сын не был обвинен в убийстве мистера Энтони, покинет королевство [20, р. 73; 7, р. 175–176]. Как и другие протагонисты Смоллета – шотландец Родрик Рэндом, англичанин Перегрин Пикль, полу-англичанин-космополит (по матери) Фердинанд Фатом, – Ланселот Гривз также совершит Гранд-тур: из Хариджа он отплывет в Голландию, затем направится в Брюссель, где, добившись охранного свидетельства от французского короля, продолжит путь в Марсель, а оттуда – в Геную, станет единственным героем, который побывает в Италии. Предаваясь глубокой меланхолии, он выберет местом своего проживания Пизу, куда затем в поисках тепла и солнца осенью 1768 отправится и сам Смоллет [20, р. 73; 15, р. 279]. Однако, в отличие от ранних историй, где тщательно выписаны путешествия заглавных персонажей по странам мира вместе с национальными зарисовками среды и нравов, в «Ланселоте Гривзе» Смоллет всего лишь заявит о континентальном маршруте своего героя-домоседа, предпочитающего не пространство городов, а провинцию, «дороги и проселки Англии» [3, с. 37].

Из состояния удрученности Ланселота выведет известие о смерти отца. «Изнуренный, бледный, с ввалившимися глазами», он вернется домой, едва узанный окружающими [20, р. 74]. Вступив в наследство, герой узнает о предстоящей свадьбе мисс Дарнел с «молодым сквайром Сикамором, джентльменом весьма

значительного состояния», получит адресованное ему Аурелией письмо, после прочтения которого «в течение трех дней не заговорит ни с одним живым существом, его будут видеть плачущим, либо смеющимся» [20, р. 74]. Так и не сумев перенести «жестокое разочарование от разрыва отношений», он снова обратится к «актам благотворительности» ('began to amuse himself again with acts of benevolence'), «на дорогах рыцарских приключений доигрывая свою «психодраму» [7, р. 180; 20, р. 74].

Смоллет постоянно экспериментирует и в каждом из романов обращается к разному повествовательному рисунку. Если в «Родрике Рэндоме» ощутим мотив автобиографической прозы, где автор и герой совпадают, в «Перегрине Пикле» историю персонажа излагает повествователь от третьего лица, объективный, бесстрастный, создающий эффект саморазвѣртывания действия, то в «Фердинанде Фатоме» Смоллет неожиданно предлагает читателю эмоционально окрашенное повествование, создает фигуру чувствительного нарратора, который негодует по поводу зла. В «Ланселоте Гривзе» возникнет предвосхищение многоголосия «Хамфри Клинкера»: несколько рассказчиков будут описывать странного героя-чудака, играющего роль «странствующего рыцаря в современном нерыцарском обществе» (Р. Гиддингс, 1967). Так, на кухне, главным образом для скрашивания досуга, «весьма разговорчивый джентльмен» юрист Том Кларк¹¹ станет забавлять слушателей ретроспективной историей жизни своего родственника, которую весьма часто будут перебивать и их реплики, и текущие события. Начав роман с середины, повествователь вместе с посредником сохранит привычные этапы мужания героя – детство, юношество, выбор пути, – максимально детально выпишет возрастной период с 17 до 29–30 лет вплоть до событий месячной давности [20, р. 41–42]. В «Ланселоте Гривзе», который Смоллет издает не в книге, а в журнале, возникнет не только другой адресат, образованный, склонный видеть не очевидные заимствования и нарочитые сближения с кихотической и национальной традицией, а, скорее, форму диалога с литературными современниками и предшественниками, но и особая поэтика отношений автора с читателем. Сериальность позволит автору превратить чтение в игру, побуждая читателя к размышлениям, разжигая его любопытство, обещая развязку, но отдаляя полное завершение, останавливаясь на каком-то интересном месте, «неожиданно прерывать концовки глав на половине действия подобно романам Диккенса» [20, р. 11].

Действие первых двадцати глав романа происходит в провинции, на Великой Северной дороге между Лондоном и Уэстоном (Ноттингемширом), где в один из октябрьских вечеров непогода застанет путников на кухне знаменитой гостиницы «Черный лев» [7, р. 175]. Произведение, полагают исследователи, открывается «одной из величайших сцен Смоллета» (Дж. Карл), «живописной картиной в манере Скаррона» (Э. Бейкер), представителей фламандской школы (П.-Г. Бусе), «восхитительным изображением в духе Скотта» (М. Чайльд) [14, р. 57; 4, р. 224; 7, р. 76]. «Необычайная плотность информации» с указаниями времени ('about the beginning of the month October and the hour of eight in the evening') и места происходящего, количества путешественников, обстоятельств, заставивших их искать убежища ('a violent shower of rain', 'squally weather'), размеры и обстановка гостиницы занимают Смоллета, фиксирующего множество точных деталей, вплоть до подробного описания разыгравшейся за окном бури ('The rain had been succeeded by a storm of wind, that howled around the house with the most savage impetuosity; and the heavens were overcast in such a manner, that not one star appeared, so that all without was darkness and uproar'), во время которой после внушающих ужас стуков в дверь появляется облаченный в доспехи Ланселот Гривз (глава II) [20, р. 39, 41, 43].

Подключая опыт мировой литературы, Смоллет создаст конструктивный условный текст, где не столько его герой увлечен историей кихотизма, упоен рыцарской литературой, сколько сам автор, вовлеченный вместе с читателем в

¹¹ Прием своеобразного рассказа в рассказе уже применялся в «Перегрине Пикле» в описании «словоохотливым трактирщиком» нрава коммодора Транньона.

литературную игру, предлагающий жизнеописание двойника Дон Кихота, красивого романического героя, безумного¹² от любви, в отличие от «хитроумного идалго», вызывающего не смех, а чувства благоговения и сострадания, преуспевающего в актах великодушия, а не разрушения [20, р. 12]. У него есть и Дульсинея (Аурелия), и Санчо Панса (Крэбшо), и подражатель, жаждущий его копировать. Выслушав историю о Ланселоте, заканчивающуюся посвящением его в рыцари, дядя Кларка, бывший моряк, капитан Сэм Кроу, также решит последовать примеру Гривза (глава VI) [20, р. 81, 89, 100]. Смоллет расщепит сервантесовского Дон Кихота, представив Кроу его «комическим измерением» (П. Вагнер) [20, р. 18]. «Бурлескный контрапункт чудачествам Ланселота и дебютный выход Кроу в роли рыцаря», комические главы (VII–VIII), в которых видят забавные сервантесовские ситуации, сменяются достойными кисти Хогарта сценами выборов в небольшом городке (глава IX), откуда после произнесенной перед избирателями речи персонаж изгоняется как «незванный гость», «политический монстр» объединившимися вигами и тори, обманывающими доверчивых провинциальных жителей, «не желающих слушать голос разума и становящихся легкой добычей для плутов, мошенников и политиков» [7, р. 183; 20, р. 114–115, 25]. В «политическом по своей природе» романе (Р. Гиддингс) Смоллет, которого всего несколько месяцев отделяют от борьбы в защиту лорда Бюта, поднимает негативные социальные темы, критикуя партии, врачей-шарлатанов и вершителей правосудия. Он рисует метафорические, условные ситуации, перевернутый мир: в тюрьме томятся не преступники, а положительные герои, судьбами которых распоряжается отнюдь не праведный судья Гоббл. Добро становится комедией¹³, едва не превратившейся в драму, объявляется проявлением безумия и формой болезни, оказываясь либо в тюрьме, либо в сумасшедшем доме.

Любопытно, что социальный кихотизм Гривза заслонит романтическая интрига (глава XIII). Как и в предыдущих романах, случай играет важную роль во встречах персонажей [7, р. 177]. Так, пути Ланселота и Аурелии без их ведома пересекутся в гостинице ‘White Hart’, где горничная Аурелии, Долли, к которой равнодушен Том Кларк, случайно обронит книгу с деньгами (5 банкнот, составляющих сумму в 230 фунтов) [20, р. 149, 152]. И хотя Ланселот вернет утерянную вещь владелице, узнает скрывающуюся под именем мисс Медоуз (miss Meadows) Аурелию (главы XIV–XV), направляющуюся в Лондон к родственнице в поисках убежища от преследований дяди Энтони Дарнела, так и не сумевшего получить ее согласие на брак с мистером Сикамором и решившего убедить окружающих в ее сумасшествии, их неожиданная встреча, сопровождающаяся слезами, клятвами верности, раскрытием истории с фальшивым письмом, прерывается уловкой слуг дяди [20, р. 154–155, 164]. Поспешив на помощь неизвестному путешественнику, подвергнувшемуся нападению на дороге (им окажется Тимоти Крэбшо), Ланселот от простодушия и «слепоты» сам себя накажет, вновь утратив Аурелию, которую силой в направлении Лондона увезет «немогущий джентльмен, назвавшийся ее опекуном» [20, р. 169].

¹² Смоллета-физиолога, обращающегося в своих романах к «взаимодействию ума и тела», что затем найдет наиболее «связное воплощение» в «Хамфри Клинкере», хорошо знакомого с «Трактатом о безумии» (1758) У. Бэтти, памфлетом Дж. Монро «Замечания о трактате о безумии доктора Бэтти» (1758), интересует «научное объяснение» причины этой болезни, среди которых второстепенными оказываются «неослабевающий интерес к какому-либо предмету», а также «любовь, горе, отчаяние» [20, р. 13; 7, р. 180].

В своих работах исследователи будут спорить о степени безумия Ланселота: сравнивая его с Гамлетом, увидят «диалектику сумасшествия и здравомыслия», заметят, что «сумасшествие Гривза мудро, а его мудрость безумна» (П.-Г. Бусе); сопоставляя его с Дон Кихотом, подчеркнут, что сумасшествие «рыцаря луны» «не иллюзия» (П. Вагнер), оно «врожденное и унаследованное» (М. Голдберг), носит «понятный, реалистический характер» (Р. Спектор) [7, р. 180; 20, р. 13; 11, р. 118; 21, р. 113]. Его безумие, подобно безумию мифологического Ланселота, оказывается «результатом безнадежной любви», которая «обращает ум героя к мыслям о рыцарстве», открывая роман [20, р. 13].

В малогеройном романе Смоллета, насчитывающим всего около 80-ти персонажей, не будет падших женщин, светских дам (кормилица Ланселота Доротея Оукли; возлюбленная молодого фермера Сьюзан Седжмур; миссис Кодл, родственница Аурелии; Долли Кауслип, потерянная родственница Гривза, оказавшаяся дочерью Джонатана Гривза) [20, p. 128, 129, 157, 202, 253]. В отличие от предыдущих смоллетовских героинь, они «свободны» от сексуального влечения своих избранников, которые с течением времени уже «менее подвержены психологическим наблюдениям» [18, p. 144]. По своему совершенству Аурелия Дарнел превзойдет Нарциссу, как Серафина-Монимия, предстанет ангелом, ‘divine Aurelia’, вызывающим восхищение окружающих. Именно ей будет дарована функция заново ввести Гривза, теряющего «границы личностные и социальные» (‘loss of decorum, both personal and social’) (М. Голдберг), в общество и «восстановить природную сущность» (Д. Пандей) героя, который пройдет особый путь: «от благоразумия к безумию, от безумия к великодушному рыцарству», вернется из «традиционного рыцарского квеста» (Т. Престон) к пониманию и здравомыслию» (Р. Гиддингс) [11, p. 117; 17, p. 169–188; 16, p. 102; 9, p. 134].

После ряда событий: спасения капитана Кроу от разъярённой толпы (глава XVI–XVII), дуэли с претендующим на руку Аурелии Сикамором (XVIII–XIX), по прозвищу «the knight of the Griffin», приближаясь к столице (глава XIX), ряженый герой Смоллета снимет свои черные доспехи, поменяв их на повседневную одежду – плащ, шляпу и сапоги (‘... exchanged his armour for a riding-coat, hat, and boots’) [20, p. 194, 200]. В такой «символической» смене костюма, которому придают особую важность все смоллетовские протагонисты, прибывающие в столицу, исследователи увидят его «самовольный отказ от рыцарства», срывание маски, «завершение маскарада» и «полное возвращение к состоянию здравомыслия» [20, p. 28; 9, p. 146].

События последних пяти глав романа (XX–XXV) произойдут в Лондоне, «огромном лабиринте», враждебном провинциальному «антикварному» герою, у которого в новых реалиях не окажется ни единого шанса на победу [20, p. 158]. Наивный и простодушный, он с легкостью попадет в ловушки зла и останется цел только благодаря своим поклонникам и защитникам. Чуждый урбанистическому пространству, которое будет, как и в «Родрике Рэндоме», дробиться на части, светскую, праздную столицу и ее изнанку, однако не столь подробно, скорее, карикатурно-схематично выписанные, Ланселот не сумеет освоиться ни в одной из них. Он разместится в маленьком меблированном доме по соседству с Голденсквер, от Долли узнает, что дядя Аурелии поселил племянницу в фешенебельном районе May-fair, где с 1746 по 1748 гг. проживал и сам Смоллет [20, p. 203, 201, 268]. Поиски Аурелии, которую последний раз видели «в наемном экипаже в сопровождении опекуна и болезненно выглядящего незнакомца, напоминавшего либо бейлифа, либо тюремщика», продолжатся в лондонских тюрьмах: «в первый день они посетят Гейт-хаус, Флит и Маршалси, на следующий – Кингз Бенч», где Ланселот изучит книги и записи всех поступивших узников, выслушает истории их судеб (капитана Ключина и его жены, других заключенных) (глава XXI), на этот раз жертв не коррупционных схем (судьи Гоббла и его покровителя лорда Шапингтона), а несовершенства законов и их искажения [20, p. 204, 205–206].

По мнению П.-Г. Бусе, Ланселот Гривз, «подобно героям космогонического круга, начнет снисхождение в преисподнюю (‘... descends into the mansions of the damned’) (заголовок XX главы), происходящее в 2 этапа: сперва он выступит в

¹³ Так, сопровождая вместе со стражниками Феррета, продававшего возле ворот эликсир долголетия, Ланселот не только находит в тюрьме Тома Кларка и его дядю, но и сам оказывается узником судьбы Гоббла (глава X), подобно другим заключенным, чьи истории он выслушивает (глава XI), а после освобождения помогает (глава XII). Такая странность христианского героя оценивается как позиция неожиданная и сомнительная, которая должна быть либо наказана, либо излечена, поскольку в тотальном театре зла представляется разрушением нормы.

роли зрителя, жаждущего узнать о страданиях узников, а затем и сам сразится с абсурдным миром сумасшедшего дома», куда попадет благодаря козням Сикамора, отправившись в 7 часов вечера на тайную встречу недалеко от Фаундлинг-госпиталя [7, р. 187; 20, р. 244, 218, 227]. Благодаря случаю Ланселот окажется заперт, как его возлюбленная Аурелия, в том же частном сумасшедшем доме мистера Шекла (Mr. Bernard Shackle), где он также познакомится с поэтом Диком Дистичем (Dick Distich), в образе которого Смоллет изобразил современника, английского сатирика Чарльза Черчилля (1731–1764) [20, р. 214, 231]. «Героический квест», где не будет падений, искушений и подвигов, «поиск собственной идентичности и женского alter ego» закончится освобождением, ставшим возможным благодаря заступничеству друзей, сумевших отыскать Ланселота, дав объявление о его исчезновении в газете, завершится триумфом разума и сценами супружеского счастья [7, р. 190, 187]. Совершив круговое движение, географическое и духовное путешествие, протагонист вернется «к точке своего отправления, топографической (Йоркшир) и психической (рассудочности и здравомыслию)» (П.-Г. Бусе), продолжит служение добру в мире эстетической условности и книжности, не имея сил выжить в реалиях современности [7, р. 190, 187].

Библиографические ссылки

1. *Алябьева Л.* Литературная профессия в Англии в XVI – XIX веках / Л. Алябьева. – М. : Новое литературное обозрение, 2004. – 400 с.
2. *Елистратова А. А.* Английский роман эпохи Просвещения / А. А. Елистратова. – М. : Наука, 1966. – 472 с.
3. *Жаборюк И. А.* «Роман большой дороги XVIII века» (на материале творчества Т. Дж. Смоллетта) / И. А. Жаборюк // Жанровые разновидности романа в зарубежной литературе XVIII – XX веков. – Киев; Одесса : Выща шк., 1985. – С. 31–41.
4. *Baker E. A.* The History of the English Novel: Intellectual Realism: From Richardson to Sterne / E. A. Baker. – L. : H. F. & G. Witherby LTD., 1937. – P. 194–239.
5. *Basker J. G.* Tobias Smollett. Critic and Journalist / J. G. Basker. – Newark, L., Toronto : University of Delaware Press, Associated University Press, 1988. – 358 p.
6. *Boege F. W.* Smollett's Reputation as a Novelist / F. W. Boege. – Princeton, N. Y. : Princeton University Press, 1947. – 175 p.
7. *Bouce P.-G.* The Novels of Tobias Smollett / P.-G. Bouce ; translated by A. White. – L., N. Y. : Longman, 1976. – 406 p.
8. *Brander L.* Tobias Smollett / L. Brander. – L., N. Y., Toronto : Longman, 1951. – 36 p.
9. *Giddings R.* The Tradition of Smollett / R. Giddings. – L. : Methuen and Co, Ltd, 1967. – 215 p.
10. *Giddings R.* Tobias George Smollett / R. Giddings. – L. : Greenwich Exchange, 1995. – 76 p.
11. *Goldberg M. A.* Smollett and the Scottish School. Studies in eighteenth-century thought / M. A. Goldberg. – Albuquerque : University of New Mexico Press, 1959. – 191 p.
12. *Hannay D.* Life of Tobias George Smollett / D. Hannay. – L., 1887. – 160 p.
13. *Herbert D.* Life of Tobias George Smollett / D. Herbert // The Works of Tobias Smollett / [edited by D. Herbert]. – London and Edinburgh, 1878. – P. 7–40.
14. *Kahrl G. M.* Tobias Smollett, Traveler-Novelist / G. M. Kahrl. – Chicago : Chicago University Press, 1945. – P. 51–60, 119–147.
15. *Knapp L. M.* Tobias Smollett. Doctor of Men and Manners / L. M. Knapp. – Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1949. – 362 p.
16. *Preston Th. R.* Not in Timon's Manner. Feeling, Misanthropy, and Satire : Eighteenth-Century England / Th. R. Preston. – Alabama : University of Alabama, 1975. – 217 p.
17. *Punday D.* Satiric Method and the Reader in 'Sir Launcelot Greaves' / D. Punday // Eighteenth-Century Fiction. – Vol. 6. – No. 2, January 1994. – P. 169–188.
18. *Rousseau G. S.* From Swift to Smollett: the satirical tradition in prose narrative / G. S. Rousseau // The Columbia History of the British Novel / [edited by J. Richetti]. – N. Y. : Columbia University Press, 1994. – P. 126–152.
19. *Sekora J.* Luxury. The concept in Western thought, Eden to Smollett / J. Sekora. – Baltimore, L. : The Johns Hopkins University Press, 1977. – 340 p.
20. *Smollett T. G.* The Life and Adventures of Sir Launcelot Greaves / T. G. Smollett / [edited with an introduction and notes by P. Wagner]. – L. : Penguin books, 1988. – 272 p.
21. *Spector R. D.* Tobias George Smollett / R. D. Spector. – N. Y. : Long Island University. Twayne Publishers, 1968. – 175 p.
22. *Tobias Smollett.* The Critical Heritage / [edited by L. Kelly]. – L., N. Y. : Routledge & Kegan Paul, 1987. – 380 p.

Надійшла до редколегії 12.05.2017 р.